

Robb Yan

Пленники Морфея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68753592

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь бросила лейтенанту Джану вызов, который он вынужден принять. Ему предстоит пройти через многие испытания, чтобы получить ответы на вопросы, оставшиеся открытыми после неожиданного исчезновения всех людей. Но одиночество далеко не самое страшное, что его поджидает. Поистине опасные вещи находятся не снаружи, а внутри самого лейтенанта...

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	20
Глава VII	23
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	34
Глава XI	40
Глава XII	48
Глава XIII	55
Глава XIV	60
Глава XV	67

Robb Yan

Пленники Морфея

Глава I

Начало конца

– Говорит лейтенант Джан. Куда все подевались? Никто не берет телефон, – сказал я по рации. – На связи лейтенант Джан. Отзовитесь! Прием! – в ответ лишь белый шум.

Сам не знаю как, вчера я уснул за бумагами у себя в кабинете. Мне приснилось, что я выпрыгнул из окна. Собственно, из-за чего и проснулся. Часы били десять. Протерев глаза и широко открыв их, я обнаружил пустующий полицейский участок. Мало того, что никто меня не разбудил, так еще и все куда-то запропастились. Сначала мне показалось, что это просто розыгрыш, ведь у меня день рождения. На тот момент мне пока не было известно, что на улице меня ждет то же самое. Сказать, что я был ошарашен – ничего не сказать.

За первый день мне удалось сделать пару кругов в городе, однако не нашлось ни души. Я кричал, как можно громче, но всякий раз мой зов оставался без ответа. Мой план: периодически выходить на связь и поддерживать радиовещание, в надежде, что кто-нибудь услышит.

Сон у меня был не из самых лучших. На второй день погода выдалась ужасной, поэтому отпало желание покидать полицейский участок. Я пытался сконцентрироваться на проблеме, и понять, что же все-таки произошло, но мои первобытные потребности не давали покоя. Желудок не видел еды еще со вчерашнего утра. Я отправился искать еду в столовой, но кроме вчерашнего хлеба и испорченной гречки не обнаружил ровным счетом ничего.

Выбирать не приходилось. Взяв из шкафчика теплую куртку, я вышел на улицу, где шел то ли дождь, то ли снег. А еще этот ветер бушевал так, что я был готов продать душу за потрепанную вонючую шапку, лишь бы уши остались в тепле. Конечно, странно наблюдать такую погоду в середине июля, но этому стоило удивляться в последнюю очередь.

Сначала, казалось, вместе с людьми исчезли и все животные, но по дороге в магазин, я заметил свежие кошачьи следы, которые еще не успели наполниться водой. Вдобавок, миг спустя увидел голубей в дали. Правда, их что-то спугнуло, и они улетели.

К великому удивлению, двери магазина были настежь открыты. На всякий случай я достал пистолет, предварительно сняв его с предохранителя. Руки у меня дрожали. Не буду скрывать, они дрожали именно от страха. Меня пронзило чувство одиночества при осознании, что, возможно, мои опасения напрасны, ведь все исчезли... все исчезли, кроме меня. Но может это я исчез, а не они? Повернул в какой-то

момент не туда, а мир течет по тому же руслу, что и раньше, только без меня. Я стоял, как вкопанный около десяти минут, сочиняя гипотезы и оторвался от них, лишь когда из магазина донесся звук необычайной громкости.

Услышав звуки, мне расхотелось заходить туда. С другой стороны, там мог оказаться человек, а такую возможность не стоило упускать.

Собрав волю в кулак, я устремился внутрь. Еще с порога в глаза бросились обвалившиеся друг на друга полки, которые, вероятно, и служили источником того странного звука. Но кто устроил этот беспорядок, так и не удалось выяснить. Зато удалось закинуть в тележки еды на целую неделю. Все оставшееся, за исключением содержимого консервных банок, к тому времени, к сожалению, уже испортится.

На сей раз я не стал возвращаться в полицейский участок. Все, что мне было нужно, давно находилось у меня. Тем не менее, в ближайшее время стоит заглянуть туда с несколькими сумками, и очистить весь оружейный склад. Что-что, а сороковой калибр в руках придает уверенности в любой ситуации.

Домой доехал на машине. До меня доперло, что некоторые из них, как и здания в городе, могут быть открыты. Предполагаю, люди испарились по щелчку примерно вечером, поэтому многое осталось мне даром. Но удивляло одно: где разбившиеся машины, самолеты и все остальное, оставшееся без присмотра в момент их работы? По идее, сейчас на

планете должны быть многочисленные авиакатастрофы, автомобильные аварии, в общем, полная разруха. Но, мне почему-то кажется, что этой историей движут отнюдь не логика и рациональность. Оттого я оставил подобные размышления на потом.

Лучше дома места не найдешь, особенно моего. У меня куча вещей на все случаи жизни. В гараже сотни инструментов, выговаривая названия которых, можно запросто сломать язык. Конечно, раз цивилизация исчезла, то все вокруг теоретически мое, но радуется, что нужное уже под рукой. К несчастью, добрая половина этих вещей не заработают без электричества, а оно исчезло в первые двадцать четыре часа. Теперь я осознал, насколько мы от него зависим. Надо попробовать найти, что-то вроде генератора. Надеюсь, удастся его отыскать раньше, чем мое тело окоченеет от холода.

Прошла целая неделя, за которую я поневоле привык к сему хаосу. За это время мне довелось узнать много полезной информации и разобраться в приоритетах. Вода и еда должны всегда оставаться на первом месте по понятным причинам. Также нельзя забывать про лекарства. Естественно, через несколько лет истечет срок годности и лекарств, и консервных банок, но до тех пор ими не стоит пренебрегать.

Домашние животные скоро начнутдохнуть одна за другой в запертых квартирах. А выжившие примут участие бродячих зверей. Нормальной еды больше нет, поэтому единственное, что остается нашим плотоядным любимцам – есть других

животных. И тут встает вопрос приспособленности. С трудом верится, что чихуахуа со своими маленькими лапками способна хоть что-то противопоставить немецкой овчарке. Скорее, она пойдет на пропитание именно таким крупным породам.

Погода с каждым днем становилась все хуже. Не понимаю, как отсутствие людей повлияло на нее, но июль полностью превратился в март, заставив задуматься об отоплении. Никогда прежде я не был так рад дедовской печке.

Глава II

Наедине с собой

До недавних пор мне безумно нравились тушенки, паштеты и все в этом роде. Теперь же, когда я вынужден есть похожее каждый день, при их виде тянет блевать. Какое бы у вас не было любимое блюдо, если вы его будете есть каждый божий день, то рано или поздно вкус потихоньку потеряет контраст, а затем и вовсе станет противным.

Этот месяц мне показался годом. Дни шли, и вместе с тем угасала надежда, надежда найти хотя бы одного человека. Я нуждался в присутствии другой личности. Да черт, я обрадуюсь даже обществу Галлахера. Он один из наших стажеров. Галлахер, скажем так, немного того... Иногда он был противен, иногда смешон, однако никогда полезным. Вот сломается, допустим, стул, и все уже знают, что виноват Галлахер. Он часто косячил, но порой ему попадало просто так. Однажды ему поручили принести документы одного преступника. Видать, Галлахеру давалось трудно не только мыслить, но и слушать. Иначе, как объяснить то, что он принес в участок не документы преступника, а привел его самого. Не знаю, каким боком ему это удалось. Если честно, мне было жаль этого добряка, и одновременно с тем я ему завидовал. По-

нятно, почему к нему проявлялась жалость, но вот завидовал я, совсем за другое. Дело в том, что дуракам живется легче. У них нет забот, нет тревожных мыслей про бытие, их не волнует мнение остальных, а маленькая бабочка, рисующая круги в воздухе, способна растянуть улыбку до ушей.

Хоть мне и скучно одному, но временами я посещаю местный развлекательный центр, застревая там на весь день. Тут тебе и бильярд, и боулинг, и кинотеатр, и теннисный корт, и баскетбольная площадка вместе с футбольным полем, словом, все радости жизни в одном флаконе.

Одиночество научило меня радоваться мелочам. Вчера, возвращаясь из развлекательного центра, зарядил кирпичом прямо в лобовое стекло новенького Мерседеса. Не представляете какое блаженство! Затоптал дорогуший смартфон, поджег чей-то дом, и наконец первый раз курнул травку. Вроде бы, такое поведение не подобает полицейскому, но знаете, мне уже как-то плевать.

Глава III

Не собака

Случилось самое страшное: сломался генератор. Не знаю, что с ним стало, но он больше не работает. Попробовав найти поломку, и исправить, я лишь потратил день зря. Этот генератор, найденный мною во время одной из вылазок, здорово помогал мне. Кроме вырабатывания электричества, он еще и умел отгонять своим шумом диких зверей, которые нередко появлялись в городе. Я жил на окраине Техаса, природа неотъемлемая часть этого штата, поэтому, в отсутствие людей, животные решили освоить первым делом именно города Техаса. Вообще, зная список здешних хищников, я собирался уехать ближе к центру.

Я поехал искать новый генератор, но по дороге меня резко переключило. Ко мне вернулось желание покинуть город. Новенький Джип подо мной, на заднем сидении несколько стволов, осталось захватить из магазина еды да лекарств, и можно пуститься в дорогу. Было жалко оставлять все добро, но в нормальном городе, куда я и держу путь, реально отыскать все то же самое в гораздо лучшем состоянии.

Сначала намеревался заселиться в Остине, столице Техаса, тем не менее потом мой выбор пал на Даллас. Он намного ближе. Да и чем больше город, тем больше возможностей.

Залил бензин до краев бака, так что должно хватить надолго. К тому же, в багажнике еще целых две канистры. По моим подсчетам до Далласа около шести часов езды, если обойтись без остановок.

Спустя два часа меня одолела скука. В бардачке я нашел несколько дисков с музыкой. Перебрал все семнадцать, (да, я их считал) но никакой из них не соответствовал моим предпочтениям, хоть я и меломан. Все же звук мотора приятнее этого дерьма.

С музыкой не вышло, поэтому пришлось отвлечь себя мыслями. Я стал подробно вспоминать тот проклятый день исчезновения людей. Самое странное в этой истории то, что все интересное произошло, когда я спал. Зашел к себе в кабинет, сел на кресло, и отключился, а проснувшись, обнаружил опустевший полицейский участок. Вот тебе и подарок на день рождения. Кстати, я только в момент отъезда вспомнил, что подарки от сослуживцев так и остались запечатанными лежать у меня под столом. Они подарили их на день раньше, потому как я взял отгул. Интересно, что в них было...

Солнце давно скрылось за горизонтом. Забыв о думах, я потихоньку отдавался сну. Мне не надоело жить, поэтому решил притормозить, и выспаться, как следует. Несмотря на то, что машин в движении не было, я по привычке хотел прижаться к обочине. Завернув руль вправо, я собрался затормозить, но за секунду до того, как моя нога коснулась педа-

ли, что-то попало под машину, с дребезгом ударяясь о дно. «Вероятно, несчастная собака нырнула мне под колеса» – подумал я. Полностью остановившись, я вышел из машины и, светя фонариком, зашагал по следам свежей крови. Это была не собака... и даже не олень. На орошенном кровью асфальте лежало бездыханное тело человека!

Глава IV

Иной

Крови было много. Тело сильно изуродовалось, да так, что его не опознали бы даже родители. Мне поплохело, я припал к земле, схватившись за голову. Много в кого доводилось стрелять, и много кого сбивать, выполняя долг, но это... это мое первое убийство. При службе, казалось, что я готов к такому. На деле все вышло иначе: страх поразил, паника накрыла, а совесть добила окончательно. Наконец повезло встретить живого человека, и в следующую же секунду я лишаю его жизни. Какова вероятность, если задуматься? Вероятность, что два, возможно, последних, оставшихся на земле человека, встретятся подобным образом. Да разве такое назовешь встречей!

Но самое страшное то, что я просто уехал. Просто уехал! Я ненавижу себя за это, мне стыдно даже смотреть в зеркало. Но я не мог. Не мог прикоснуться к нему, ведь это было выше моих сил. Мне с трудом удавалось держать на нем взгляд, а о том, чтобы похоронить его, и речи быть не могло. Да, лейтенант Джан – трус.

Даллас уже простирался у меня под ногами, однако прежний энтузиазм ослаб. Лучше бы я исчез вместе со всеми. Кому нужна такая жизнь? Точнее это вовсе не жизнь, а выжива-

ние. Построй то, найди се, почини другое! Я не знаю к чему иду и зачем все. Жить, чтобы просто жить? И ничего больше? Человек не для того создан. Он не животное. И, к сожалению, все, что я делал, это лишь утолял свои животные потребности.

Был момент, когда я только ел, пил и спал. Меня съедала апатия, против которой не попрешь. Поверьте, знаю, о чем говорю. Чуть дашь слабину, и она живо тебя утащит туда, откуда мало кто возвращается.

Сентябрь пролетел незаметно, ровно, как и октябрь, ноябрь, декабрь... и год. Зимой я жил в доме с электрическим отоплением. Генераторы пахали на славу. В это время года в Техасе обычно не так холодно, по сравнению со странами Азии, к примеру. Да если бы я не вел счет времени, сомневаюсь, что мне бы удалось определить месяц на дворе, ведь погода была одинаково паршива и летом, и зимой. С того момента не проходило ни дня без ветра или дождя, а солнце не видно целых дохрена дней.

Однажды вечером, отправившись за бытовыми товарами, я заметил человека за переулком у магазина. Человека! Представляете? «После стольких месяцев ожидания, явилось мое вознаграждение» – подумал я. Моя безграничная радость выливалась из меня, я был готов расцеловать его. Тем не менее с огромной осторожностью я позвал:

– Эй, друг!

Силуэт в ночи обернулся ко мне.

– Я не враг тебе, – продолжил я, – мне безумно приятно снова встретить человека на этой богом забытой планете.

Силуэт громко рассмеялся.

– Планете? – спросил он. – До чего же ты глуп, лейтенант Джан!

– Но я не назвался. Откуда ты знаешь...

Он вышел на свет, и лицо его показалось, как на ладони. От увиденного мои колени снова оказались прибиты к асфальту.

Глава V

Отражение

Прописывая себе пощечины, я пытался убедиться в реальности происходящего. Мои надежды канули в Лету: это не сон. Передо мной явилась полная копия меня. Те же черные слегка длинные волосы, тот же прямой нос, шрам на левой щеке и те же зеленые глаза. Единственное, чем он отличался, так это единицей, вырезанной на лбу. Меня поразили страх, сильнее, чем год назад на дороге. Сильнее, чем когда-либо. Я боялся даже двигаться или говорить.

– Жалкое зрелище. Ты и впрямь не понял еще или просто притворяешься? – спросил он.

– Т-т-ты – это я? К-к-как? – невнятно пробормотал я.

– Т-т-ты, к-к-как. – передразнил он меня, – Вероятно, ты самая жалкая сторона Джана. Ну же, оглянись, глупец. Разве не ясно где мы? Тебе не знаком тот магазин? Да-да, он из нашего родного города. И что же он делает в Далласе? А вон та кошка под фонарем? Вау! Это же твоя, давно пропавшая кошка. Наша кошка.

– Все равно ничего не понимаю, – я весь дрожал уже не от страха, а от неведения. Сказанное им, было чистой правдой. Магазин и кошку я видел не впервые.

– И не надо, ведь на сей раз ты умрешь взаправду!

Не успел я опомниться, как он достал оружие, направив на меня. Мое лицо превратилось бы в дуршлаг, не появись третий «я». Он приставил пушку к его виску и спокойным тоном приказал:

– Опустит ствол!

– О, еще один слабак нарисовался. Тебя-то знаю намного дольше.

– Я не горю желанием пачкать руки. Но если выбирать между ним и тобой, то выбор очевиден. А теперь брось ствол и уходи прочь.

Швырнув пистолет наземь, он начал уходить, как ему велели.

– При следующей нашей встрече, ты горько пожалеешь, что отпустил меня, – с этими словами он исчез во мраке.

Другой «я», подал мне руку и помог подняться. В глазах все двоилось, я еле стоял. Сквозь невообразимый страх и негодование я вымолвил:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – сказал он.

– Объяснишь, что тут творится?

– Зависит от твоего ответа.

– К-к-какого?

– Считаешь ли ты себя хорошим человеком?

– Не знаю, может да, может нет. Сложно дать однозначный ответ на подобный вопрос.

– Назови один самый хороший и один самый плохой по-

ступок за период проживания здесь. Тогда станет ясно, кто ты есть.

Я не знал, что ответить. Но, нутро подсказывало, что врать не стоит. Этот «я» внушал мне доверия.

– По мере возможности, я разбивал окна в домах, где были заперты животные, иногда выламывал двери. А плохое...

– Меня терзали сомнения. Тем не менее хватило смелости высказаться. – Я случайно убил человека.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Хорошо, что не скрыл этого. Теперь иди за мной. Я всё объясню.

Глава VI

Банка кофе

По дороге в его убежище он предупредил кого-то обо мне по рации. Пройдя по длинному коридору, мы очутились в гостиной, где еще один «я», сидя на диване, точил ножи. Его существование меня уже не удивило. Я быстро догадался, что моих копий не мало, и мне захотелось узнать точную цифру.

– Сколько всего существует Джанов? – резко спросил я, после того, как поприветствовал.

– Несколько сотен, если говорить про известных нам. Не понимаю, как ты за год не столкнулся с ними. – сказал, сидящий на диване. – Кстати, зовут меня Аскук.

– Мы взяли себе имена для ясности. – подхватил тот, который меня спас. – А мое имя Финн.

– Мне тоже надо придумать имя? – спросил я.

– Да.

В голове сидело ровно ноль идей. Я, словно, забыл все существующие имена. В тот момент мой взгляд упал на банку с кофе. На ней красовалась надпись на итальянском «Vero caffè».

– Отныне я Веро.

Не знаю, что означает «Vero». Вряд-ли производитель на-

писал бы плохое слово на своем товаре.

– Хорошо, Веро. Можешь располагаться, скоро тебе все станет понятно. Но, не дай Бог я замечу гниль с твоей стороны. Думаю, ты в курсе, что произойдет.

– Пусть лучше умру, чем насолю человеку, спасшему мне жизнь. Знай, я безумно тебе благодарен, Финн.

– Я спокойно впустил тебя в наш дом, так как ты, судя по всему, еще не осознаешь, где находишься. Ты, как чистый лист. Тебя будет легко наставить на правильный путь.

– Ну так где мы?

– У себя в подсознании или что-то в этом роде. Один понял с первых минут, второй только сейчас, а иные блуждают в ней, не подозревая ни о чем. Я догадался только спустя два месяца, когда наконец до меня дошло, что все вокруг я уже видел. Каждый дом, каждая машина, каждое животное мне были знакомы. Конечно мы помним не все, нашедшее здесь пристанище, но любая вещь, попавшая в область восприятия наших органов чувств, врежется в подсознание и надолго останется там.

– А по...

– Почему нас так много? Я и Аскус, как не странно, внешне похожи, и различаем друг друга от чужаков только по одежде и шрамам, которые оставили намеренно. Я добавил к уже существующему шраму на щеке одну перпендикулярную прямую, а Аскус две. В одной большой группе принято вырезать себе номера на лбу. Несмотря на это, все Джа-

ны отличаются, вдобавок характером, поведением и мировоззрением. Большинство, в которое мы не входим, считают, что мы тут оказались не случайно. Якобы мы здесь, чтобы из многочисленных сторон Джана, выжил лишь один. Тогда время снова продолжит течь по своему руслу. Единственный оставшийся в живых проснется, и на сей раз мир будет не пуст. Именно поэтому одна из сторон Джана, встретившая тебя у переулка, желала твоей смерти. И все же, точного ответа на твой вопрос нет ни у кого.

Глава VII

Теория последнего

В тот день Финн рассказал мне многое. Например, что они носят каждый день однотипную одежду. Аскук вечно в красной клетчатой рубашке, а Финн в черной кепке и черной футболке. У Аскука полно красных клетчатых рубашек, а у Финна черных кепок и футболок. Так они узнают друг друга даже издали, когда нет возможности взглянуть на отличающийся шрам на щеке. Еще, стало известно, что пару сотен радикальных личностей собрались в группу. Главенствует этой бандой именно тот «я», напавший на меня. Имя ему Зен. Мне не повезло оказаться на его территории, благо Финн разгуливал рядом в поисках припасов.

«Теория последнего», как его называют, не внушала Финну и Аскуку доверия, ведь, по идее, до этого все стороны Джана уживались вместе. С чего бы разуму лейтенанта, то есть моему разуму, заставлять их сражаться? Когда я спросил почему другие верят в нее, Финн сказал следующее:

– Дело вот в чем. Здешние территории не похожи на земные. Раньше тут находился весь Техас, но почему-то с течением времени общие размеры существенно уменьшились, и теперь в нашем распоряжении только Даллас. Собственно, здесь я и очнулся. Кто-то в первый день очутился в магази-

не, кто-то в чужом доме. А вот Аскук проснулся в ресторане. Последнее, что он помнит – как заснул сидя за столом.

– Забавно. Но раз остался лишь Даллас, что тогда за ним?

– Уже нет понятия «за Далласом». Здесь везде Даллас. Город окружен прозрачной границей, пересекая который, попадаешь на другой его конец. Выйдя из города с запада, войдешь с востока. Выйдя с севера, войдешь с юга. И наоборот.

– Получается, если один стоит на самой южной точке города, а другой на северной, то они смогут общаться меж собой?

– Да. Но это работает только с людьми, поэтому, не удивляйся, если после телепортации с края на край останешься голым. Одежда, строения, животные, предметы разного рода безвозвратно исчезают, оказавшись за границей. Как раз вся эта история с границами и породила у Зена мысль, что нас пытаются столкнуть друг с другом. Что само наше сознание решило устроить нам королевскую битву. У Зена хорошо получается убеждать толпу и управлять ею. Поэтому большинство в это верят.

– А те, кто не с ним, вынуждены играть по его правилам. Либо ты, либо тебя.

– Верно подмечено.

– Но ведь каждый желает выжить и остаться последним. Как в таком случае удалось создать сообщество?

– Однажды я встретился с ними и первый раз увидел себе подобных. Очевидно, моя реакция ничем не отличалась

от твоей. В ту пору их численность не превосходила сотню. Они хотели взять меня к себе. Это сейчас им не нужны солдаты, а раньше брали кого попало. В день посвящения, когда требовалось вырезать себе номер на лбу, я сбежал. Не потом, что не хотел делать себе больно. Просто не проникся их идеями. К тому же мне посчастливилось раскусить Зена. Думаю, после того, как с помощью армии он истребит всех Джанов, на фарш пойдет уже сама армия. Он не исполнит свои лживые обещания.

– Интересно, какую лапшу навесил им на уши.

– Обещал устроить честный турнир, где победитель останется в живых. И ежу понятно: это капкан.

– Видно, лиса еще та. А как он тебя узнал в переулке?

– После этих событий я с ним пересекался еще пару раз. Тогда у меня уже был измененный шрам на щеке. Тем не менее мне повезло остаться в живых. Кстати, если собираешься вступить в нашу скромную компанию, то тебе стоит слегка изменить свой шрам, чтобы мы тебя ни с кем не путали. И отыщи еще несколько таких синих худи, как на тебе. – с минуту он молчал, затем, глубоко вздохнув, продолжил. – Мы беседует несколько часов. Тебе еще о многом предстоит узнать, Веро, но на сегодня достаточно информации. Здоровый сон – первое, что тебе стоит у нас перенять, коль хочешь выжить.

Глава VIII

Апофения

Наутро Финн подал свежеприготовленной оленины. За весь год мне не удалось поймать ни одного оленя, и я обрадовался такому сытному завтраку. Аскука не было дома. Он с самой зари вышел за припасами. Меж тем мы с Финном опять принялись за разговор. Меня очень интересовал вопрос безграничности города.

– Как я понял, здесь Даллас выглядит слегка иначе.

– Здесь все иначе, Веро. Город состоит из частичек настоящего Далласа и других, известных нам мест, домов, озер и даже животных. Это каша из наших воспоминаний. Так что площадь его намного больше, но при желании можно доехать от одного конца к другому за четыре часа.

– После приезда я не пробовал выходить из города. Мне здесь было комфортно.

– Оттого и не знал, что со дня на день нам остается все меньше пространства.

– Не понимаю, как мне переварить всю информацию, полученную за эти два дня!

– Со временем... – Финна прервал грохот двери.

В гостиной появился Аскук с испачканными кровью рукавами. Тяжело дыша он сел на диван рядом со мной.

– Я, честно, не хотел его убивать. – начал он взволновано оправдываться без всякого вступления. – Этот идиот сам на меня накинулся.

– Боже, Аскук, что стряслось? – спросил Финн.

– Я нашел нетронутый продуктовый магазин на севере города. Выяснилось, что я там не первый посетитель. Один Джан с ножом набросился на меня, не выронив ни слова. А я не хотел стрелять, так как заметил его друзей неподалеку. Пришлось сделать дело тихо. Не зря вчера кинжал точил.

– Не ранен?

– Нет.

– Не вини себя. Тебе пришлось. Уверен ты не хотел.

– Да-да, пришлось. Мне искренне жаль, но, черт, он вынудил меня!

– Какая цифра?

– Он не из этих, скорее всего. На лбу никаких вырезков.

– Повезло. А то нас сейчас искала бы целая орава.

Аскук зашел в ванную, чтобы помыться и прийти в себя. Его реакция меня удивила. Он, конечно, волновался, но лишь самую малость. Финн сказал, что это его второе убийство. Наверное, поэтому Аскук не сильно тревожился.

Так как речь зашла об убийствах, я поведал Финну про случай на дороге.

– И какого это – убить себя? – спросил он.

– На тот момент я не знал, кого сбил, тем не менее паршиво.

– Тут каждый день Джаны умирают. Дни идут, а нас все меньше.

– А ты убивал?

– Нет и не собираюсь.

– А если убийство останется единственным способом выжить?

– Я предпочту умереть. Одно убийство сделает мою философия бессмысленной. Повторюсь, идеи Зена для меня не значат ровным счетом ничего. В отличии от него, я умею говорить «не знаю». Нам всем нужно научиться этому. Люди издавна не были способны признать непостижимость некоторых вещей. И это привело к тому, что всему неизвестному они стали придумывать объяснения. В древней Греции не знали причину возникновения молнии, и каждый раз, когда она ударяла, говорили: «Зевс разозлился!» Похожих примеров бесконечное множество. Мне кажется, Зен точно такой же, как те люди. Вероятно, не найдя истинную причину, он придумал свою. Опять же мне не все известно. Для чего мы здесь? Не знаю! Как нам отсюда выбраться? Не знаю! Но вот одно знаю точно: я ничем не буду отличаться от Зена, если намеренно убью человека.

Глава IX

Пастух и стадо

Не прошло и получаса с возвращения Аскука, как за окном, вслед за ревом машин, раздались выстрелы. Аккуратно выглянув из окна, Финн побледнел.

– Меченые здесь, – пробормотал он.

– Банда Зена с номерами на лбу? – спросил я.

– Скорее, ее часть. Их там около пятнадцати.

– Черт, извините. – сказал Аскук. – Они точно сели мне на хвост.

– Ты же сказал, что у убитого не было чисел на лбу.

– Наверное, не успел пройти обряд посвящения.

Вдруг с улицы донесся возглас одного из меченых:

– Эй! Мы знаем, что вы здесь. Выходите с миром и оставайтесь в живых, обещаю.

– С чего нам верить тебе? – громко спросил Аскук.

– У вас нет выбора. Иначе мы сами придем за вами.

– А говоришь нет выбора! Милости просим, поднимайтесь, только будьте осторожны: наши лестницы имеют свойство взрываться.

Аскук открыл большой шкаф со словами: «пользуйтесь на здоровье». В нем хранились оружие, бронежилеты, каски, гранаты, ножи и многое другое.

– Нам предстоит битва, Веро. И ты ее участник поневоле, – сказал он. – Тебе известно отношение Финна к убийствам?

– Да. Останешься в стороне, Финн? – спросил я.

– Вмешаюсь, если на кону будут стоять ваши жизни. – ответил он. – Человека можно обезвредить, не убивая.

– У меня есть предложение получше. Никого не придется ранить или убивать. Разыграем спектакль и дело с концом.

– Их в пять раз больше. Рисковать опасно.

– Именно поэтому надо быть умнее. Сделаем трос из простыней, свяжем к ножке кровати и швырнем в окно. Затем...

– Веро, – перебил меня Аскук, – далеко от них не убежишь.

– Да выслушай же до конца! Мы никуда не уйдем. Спрячемся здесь. Пусть думают, что убежали. Погонятся за нами, туда, где нас и в помине не было, а мы под шумок смоемся.

– Они уже ломаются. Дверь железная, но под градом пуль не выстоит. Пожалуй, нам ничего другого не останется.

К счастью, улица пустовала. Я швырнул трос из простыней в окно, заранее привязав к кровати, под которой и спрятался вместе с Аскуком. А Финн, взобравшись на оружейный шкаф; лег там, укутавшись в спальный мешок.

Прежде, чем войти, они швырнули несколько светошумовых гранат. Благо мы находились не близко ко входу. Заметив веревку из простыней при обыске дома, один из меченых закричал:

– Твою мать! Они сбежали через окно. За ними!

Я наивно предполагал, что, убедившись в побеге, они всем табором ринутся вон из дома. Однако ушли не все. Двум меченым приказали собрать наше добро и загрузить в машины, а это сулило беду.

Спустя сорок минут, выгрузив все припасы, инструменты и оружия, они сели на кровать.

– Эй, на верху шкафа спальный мешок. Смотри какой надутый. Зуб даю: в нем куча ништяков, – сказал один из них.

– Не тупи, сто семнадцатый!

– Дело говорю. Надо проверить.

– За тридцать пять лет ты так и не понял, что на шкафчиках люди хранят только ненужное? Поди еще туда взберись!

– Тридцать шесть. Нам уже тридцать шесть лет, считая год, проведенный здесь.

– Время по-любому остановилось. Вряд ли мы до сих пор спим.

– Тебе откуда знать? Вдруг мы в коме. Ты не думал, почему мы проснулись в разных местах? Мне кажется, коротенькая пауза после комы, когда мы где-то засыпаем – иллюзия. А реальность мы не помним.

– Не каркай, болван. Надеюсь, я вернусь в день исчезновения.

– У нас у всех физические параметры и рефлексы на одном уровне, соответственно, чтобы остаться последним в турнире, предложенном Зеном, тебе требуется невероятное

везение, ведь все зависит от случая. Без удачи не обойтись.

– Удача для неудачников – со мной судьба. Я пробьюсь через вас, как судно через волны.

– Судно, на подобии Титаника? Не боишься натолкнуться на айсберг?

– Титаник – ты, а моим судном является непотопляемый Наутилус.

– Только загвоздка в том, что ты не капитан Немо, а лейтенант Джан.

– И им же останусь после пробуждения.

– Зен не позволит. Сначала с нашей помощью он истребит всех, кто не состоит в этой группировке, затем лично замочит нас.

– Двести с лишним Джанов ему не по зубам.

– Проглотит и не поперхнется!

– С таким настроем ты в первом же бою сдохнешь.

– Здравый смысл никогда не вредит. Мы все отличаемся характерами. Я, к примеру, здравомыслящий человек, то есть реалист.

– Я тогда кто?

– Честно?

– Честно!

– Самонадеянный баран, который думает, будто его ведут в очередной раз на прекрасное поле жрать траву, а на деле, недавно заточенные ножи в ожидании часа, когда вскроют его, как консервную банку.

– Ха-ха-ха! Зен кто? Пастух?

– Не исключено. К твоему сведению, больше волков бараниной лакомится как раз пастух.

Последнее высказывание меченого меня сильно удивило. Я об этом даже не задумывался.

Они так увлеклись разговором, что позабыли о спальном мешке. Гудки машин поторопили их вдвойне, поэтому они вылетели из квартиры подобно тому, как вошли.

Глава X

Кольт Питон

Выйдя из укрытий, мы сели в спешке обсуждать дальнейшие планы. По словам Аскука, территория сужается в разы быстрее чем раньше. Северные границы за две недели приблизились к центру уже на тридцать процентов. Логично предположить, что южные, западные и восточные границы тоже сместились. По расчетам, до момента, когда пространство будет соответствовать размерам одной маленькой улицы, меньше месяца. Пока не настал тот час, нам нужно придумать, каким образом мы собираемся остаться в живых, оказавшись лицом к лицу с армией Зена.

Первым делом мы покинули тот треклятый дом. Путь наш лежал через весь юг города, до самого запада. Это единственный маршрут, двигаясь по которому мы могли избежать столкновения с мечеными. С условием, что преодолеем его на своих двух. Машины нынче сильно привлекают внимание, а внимание здесь имеет крайне негативные последствия.

Эта длинная дорога поспособствовала нашему сближению. Двигаясь к пункту назначения, делать было особо нечего, поэтому неловкую тишину мы разбавляли разговорами. Оказалось, у нас одинаковое прошлое. Во всяком случае, мы

сравнили только то, что помнили. А помнили мы не многое: пару событий и нескольких людей. Но в этом прошлом витали моменты, где одна наша сторона проявлялась ярче остальных. Простыми словами, вырывалась наружу. Мы даже вспомнили отрывки из жизни, поведение в которых совпадало с характером Зена, описанным Финном. Все вместе мы – лейтенант Джан. По отдельности – куски пазла, решившие, что сами по себе можем быть картинами. Но кто его знает!

И вправду, характерами мы отличались неслабо. Увидев собаку, застрявшую в ограждении, я предложил помочь, Аскуп – зарезать, а Финн – пройти мимо. В этом эпизоде речь шла не о добрых и злых намерениях. Скорее поведение определенной личности обуславливалось индивидуальными приоритетами. Я хотел просто помочь, Аскуп хотел насытиться, а Финн не желал тратить драгоценное время. Позже я понял, насколько глупо было бы помочь существу, являющемуся плодом моего подсознания. Что касается добра и зла, то, несомненно, мои компаньоны не причисляются к списку плохих людей. Подобно мне. Да, я смею называть себя хорошим человеком. Не вижу в этом ничего дурного. Конечно, нет однозначно хороших или плохих людей, но есть обобщенные понятия, характеризующие ту или иную категорию. Сама моя профессия направлена на восстановление справедливости. Возможно, я решил податься на полицейского и обрести власть из-за осознания своей неспособности, но, в кон-

це концов, важно лишь то, как я использую эту власть. Вдобавок, не будь я положительным индивидом, Финн меня не принял бы. Несомненно, я хороший. Очень хороший, добрый, порядочный, золотой. Ну прям душка. Мухи не обидел за всю жизнь. Мухи не обидел, а вот человека... Не знаю насколько убийство одного из внутренних «я» считается убийством. Пожалуй, надо перестать убеждать себя, что я хороший. Попахивает раздвоением личности, а тут личностей без того навалом. И не менее хороших. К примеру, Финн – воплощение настоящей доброты и пацифизма. Еще он серьезен. Да, бывает улыбается, шутит, тем не менее для меня он является самой уравновешенной стороной Джана. А Аскук, наоборот. Естественно, он не психопат, который не умеет держать себя в руках, но его решения смело можно назвать радикальными. Иногда эти решения идут на пользу, иногда во вред. Вдвоем они, как Инь и Ян: отличаются по натуре, и в то же время дополняют друг друга.

Дойдя до западной части города, мы поселились в уютном доме и жили там ровно неделю, пока границы не начали поджимать. Если бы мы остались в доме, то граница, пройдя через него с запада, мигом перекинула бы нас на восток, где во всю разгуливают люди Зена. Останься мы и тогда в доме, граница метнула бы нас обратно на запад, и так до бесконечности. Здесь движение – жизнь.

Чем ближе мы перемещались к центру, тем чаще до нас доходили минорные аккорды войны. Отовсюду доносились

звуки стрельбы, взрывов, криков о помощи. В один такой день нам довелось увидеть из окна, как люди Зена расстреляли пленных, и не только. Три Джана стояли рядом, развернутые лицом к стене. Затем четверо меченых изрешетили их тела с необъяснимым равнодушием, будто лишили жизни обыкновенных насекомых. Неожиданно, карма настигла троих из них. Один меченый развернулся в сторону своих собратьев и продолжил стрелять, пока он не остался единственным живым лейтенантом на той улице, не считая нас, скрывающихся за занавесом сцены. Герой пьесы думал, что по-тихому избавился от нескольких соперников, но карма настигла и его. Вдруг на место убийства приехал военный внедорожник, из которого вышла первая пятерка меченых во главе с Зеном. Предатель замер на месте от страха, когда Джан с единицей на лбу остановился перед ним.

– 3-3-здравствуй, Зен, – сказал он в панике.

– Вау, сколько трупов! Что тут случилось? – спросил Зен. – Мы услышали выстрелы и помчались сюда.

– П-перес-с-стрелка.

– Ну-ну, дружище, ты теперь в безопасности. Отдай-ка автомат... вот молодец. А теперь успокойся.

Наигранность его поведения сильно бросалась в глаза, и Джан, расстрелявший товарищей, понимая это, стал дрожать еще сильнее. Моя интуиция подсказывала, что Зен скоро выплеснет всю скрытую злость.

– Все вроде ясно. Вы стояли друг напротив друга, и каж-

дая из сторон требовала сложить оружие. Ситуация накалилась, началась стрельба, и все полегли. Все, кроме тебя. Но меня гложет один единственный вопрос: почему те трое лежат спиной к нам?

– Я все об-б-бъясню.

– Слушай Джан. – он перестал изображать приветливого соседа. – Больше чем лжецов, я ненавижу только предателей. Сегодня убил их, а завтра и меня со спины прикончишь. Леша жизни напарников, как крыса, ты пошел против меня. Чтобы пойти против меня, нужна либо безграничная смелость, либо безграничная глупость. И судя по запаху, исходящему от тебя, я знаю, к какой категории ты относишься.

– Прошу, выслушай...

– На колени!

– Но...

– Быстро!

Предатель подчинился.

– А сейчас назови любое число от одного до шести.

– Что? – изумился тот.

– Проблемы со слухом? Назови число от одного до шести!

– Но, я...

– Число!

– П-пять.

– Ну ты даешь!

Зен одолжил у второго номера револьвер с шестипалым барабаном и вытащил из него всего одну пулю, оставив пять.

– Знаешь, что такое русская рулетка? – спросил он.

– Черт! Прошу пощади меня!

– Я прокручу барабан несколько раз и отдам револьвер тебе. Приставишь его к виску и нажмешь на крючок. Если не убьешься, то я забуду про тебя. Но если дуло хоть на чуть-чуть повернется в мою сторону или, наоборот, не решишься направить на себя, то несомненно сдохнешь, ибо мой револьвер, в отличие от твоего, полностью заряжен.

Меченому ничего не оставалось. Взяв револьвер, он поднес его к виску со слезами на глазах. Прошла секунда, две, три, он зажмурился, нажал на крючок и... прозвучал пустой щелчок. Он тут же швырнул оружие прочь и, прилипнув к земле, стал рыдать, как ребенок.

– Bravo- bravo! Невероятно! Шансы явно были не в твою пользу. Ты поистине везучий человек. Везучий и глупый...

Последние слова Зена снова заставили меченого волноваться. Он поднял голову и посмотрел наверх. Зен, стоял с серьезной гримасой, направив оружие на него. Это последнее, что он увидел, прежде, чем упал лицом в лужу собственной крови.

– Я сдержу свое слово и забуду про тебя! – сказал Зен труп.

Сев в машину, первая пятерка меченых исчезла, оставив мертвых Джанов на ужин шакалам.

Глава XI

Колизей

Получив новую тетрадь жизни, многие выбрасывают старый, зачастую забывая сменить ручку и почерк. Я не из таких. Ошибки, совершенные ранее, я не вычеркиваю, а подчеркиваю. Ведь, изменив подход, найти положительный ответ легче, особенно, когда под рукой уже есть негативный.

В прошлый раз я не удосужился похоронить парня, который умер по моей вине. А сегодня я не собираюсь оставлять мертвых Джанов гнить на улице. Возможно, их нельзя сравнивать с настоящими людьми, как и меня, но мне трудно быть равнодушным. Асук не горел желанием помогать нам, и все же, прислушавшись к Финну, подал руку помощи, чтобы покончить с этим, как можно быстрее, и двигаться вперед, ведь границы опять поджимали. По нашим расчетам, площадь всей территории составляет не больше ста квадратных километров, где кроме меченых не видно никого. Скорее всего, остальные Джаны мертвы. Если они и живы, то их единицы. Зен, четко следуя своим планам, успешно истребил большую часть конкурентов. Остается гадать, что он приготовил для меченых. К слову, я тоже нанес себе метку. На имеющемся шраме в области щеки сделал три перпендикулярных шраму пореза. Теперь меня невозможно

с кем-то спутать, даже если не буду в своем, привычном для Финна и Аскука, синем худи. Целых две недели меня мучили боли, пока раны не затянулись полностью. Несмотря на это, оно того стоило.

Снова, мечась по углам, как крысы на общажной кухне, мы подыскивали себе новое укромное убежище, так как старое уже поглотили границы. Было невероятно сложно двигаться быстро. Каждые пять минут приходилось останавливаться и прятаться от меченых. Путь наш лежал к самому большому, оставшемуся объекту в городе: к футбольному стадиону. Выбор пал на него из-за склонности меченых вылизывать дома до блеска. В поисках выживших, они проверяли все дома и квартиры, поэтому оставаться в них не имело смысла. Стадион был не нового поколения. Он состоял всего-навсего из поля и небольших трибун. Именно под этими трибунами мы хотели разместиться. Благо погода позволяла спать на улице. Солнце парило над горизонтом уже который день. Удивительная штука – подсознание. Тут даже в Техасе могут быть белые ночи.

Добравшись кое-как до стадиона, мы пулей проскочили под трибуны. Там царил тьма, но формы предметов выделялись. Свет проникал сквозь трещины в древесине, освещая некоторые части подтрибунного участка. В общем, самое необходимое мы видели.

Безопасность согрело нам душу, однако горечь утраты припасов она не прогнала. Меченые тогда забрали все бое-

припасы. Надежда остается на пачку девятимиллиметровых в моем кармане. В пачке всего двадцать патронов, вкупе с полупустыми магазинами выходит около сорока штук на всех. Маловато, учитывая, что противников чуть больше двухсот.

Пару недель мы прятались там, время от времени выходя за едой и водой. Но недавно территория сузилось до такой степени, что в ней остался только стадион, после чего она больше не меняла своих размеров и перестала двигаться, видимо, достигнув предела. Даже громкий разговор мог выдать наше местоположение, поскольку все двести с лишним меченых находились на стадионе, в ожидании начала турнира. Через щели в досках я заметил нечто странное. Ни один из них не имел при себе огнестрельного оружия. Позднее выяснилось, что таковы правила турнира.

– Мы собрались здесь, чтобы подвести итоги. – объявил Зен. – На этих трибунах сидят те, кто сделал верный выбор, те, кто сумел выжить в непростых условиях. Кроме нас, никого не осталось. Все другие Джаны мертвы, стадион чист. Знаю, некоторые из вас думают, что могут спрятаться и подождать пока все не поубивают друг друга на турнире. Но я уверяю вас, что никто из участников не сможет скрыться. В этой коробке наши цифры. Если Джан, чью цифру вытащили, не объявится, то турнир приостановят, пока его не найдут и не убьют.

Несколько минут он втирал про честность. Что его номер тоже в коробке, и он никого не обманет. Затем, чтобы дока-

зять свои слова, устроил переключку, используя листочки с номерами из коробки, а в конце показательно швырнул свой номер обратно внутрь.

– Правила просты. – продолжил он. – Я вытягиваю два листочка и двое, чьи номера я достал, схлестнутся в бою используя стандартные охотничьи ножи. Бой длится до тех пор, пока кто-то из бойцов не умрет. Листок проигравшего выбрасывается, а победившего возвращается обратно в ящик. Далее процедура повторяется по новой, пока на этом поле в живых не останется всего один. В роле судьи буду выступать я. Меня заменят, когда настанет моя очередь биться. Правил, как-либо ограничивающих вас при атаке или обороне, нет. Все огнестрелы намеренно и безвозвратно брошены за границу, во избежание соблазна прикончить всех разом. Есть вопросы? Нет? Тогда объявляю турнир открытым!

Забавно было наблюдать, как пару сотен единомышленников в миг стали заклятыми врагами. Те, кто столько месяцев сражались бок о бок, теперь готовились раскрыть друг другу черепа.

– Хоть убейте, но я не вижу никакой разницы между нашим подсознанием и реальностью, – сказал Финн шепотом.

– Ты про что? – спросил я.

– Повсюду одно и то же: кровь. За свое существование люди пустили столько крови, что можно несколько раз затопить все семь континентов. Что-то явно не в порядке с этим миром.

– Конкуренция – залог процветания, – вмешался Асук.

– Брехня собачья! Страны процветают, когда торгуются, делятся идеями, новыми технологиями. А твоя конкуренция... нет, не конкуренция. Давай называть вещи своими именами. Война! Она способна швырнуть нас на несколько столетий назад, где деньги проверяли на подлинность не по водяным знакам, а по прочности и звонкости.

– Война была и будет. Ничего не поделаешь. Мы тоже стоим на пороге войны и вынуждены вступить в нее. Ситуация безвыходная.

– Асук, не бывает безвыходных ситуаций. Бывают ситуации, выход из которых нас не устраивает.

– Не понимаю. Что конкретно тебя тревожит?

– Я просто разочарован. Хотелось бы увидеть подсознание в иной форме. Жаль, что она переняла у мира только плохое. Порой мне кажется, будто я не у себя в голове, а в аду.

– Существует интересная теория. – добавил я. – Она гласит, что ад – самый плохой день в нашей жизни, который мы будем проживать вновь и вновь, бесконечное количество раз. А рай – самый хороший день с теми же условиями, только мы не заметим повторения дней.

– Но нас зашвырнуло в подсознание, – сказал Асук, – Похуже, чем повторяющийся плохой день.

– Ты мыслишь не широко, друг мой. Обычно самый плохой день – день смерти. И в его повторении нет ничего веселого. В отличии от рая, в аду ты будешь помнить все. Од-

нако тут не рай, не ад. Я даже не уверен в реальности происходящего.

– Оружие у тебя есть.

– Я проверял наличие боли. Он присутствует, но ничего не объясняет.

– Сейчас бы в объятия нашей жены, а не вот это все! – сказал Финн.

– Дело говоришь, она нас понимает.

– Оттого, что умеет слушать. Она не похожа на остальных представительниц женского пола. Обычно девушки болтают без умолку. Доходит до такого, что ты на автомате просто киваешь головой, делая вид, будто тебе интересно и ты реально вовлечен в разговор. Можно без всяких заморочек сказать: «Я купила платье». А они говорят: «Когда я возвращалась домой, то увидела объявление о скидке в магазине на улице Шарлотанское 25. Сначала подумала, что поздно и пора бы домой, но в конце все же решилась. Поехала туда, благо с таксистом повезло. Такой хороший, у него жена, трое детей, а выглядел, будто ему 20 лет. В общем я доехала до этого магазина, походила, посмотрела, нашла хорошее платье, но размера моего не было, пришлось выбирать другое. Подхожу к кассе, а кассирша говорит, что у товара еще не определили цену и я вообще взяла с того места, где брать нельзя. Я сказала, что готова заплатить вдвойне, пусть только цену назовут. Позвонила она начальнику, начальник дал добро на продажу без ценника и назвал сумму, за которую они гото-

вы были ее продать. Короче, я отдала эти триста долларов и вышла из магазина с задранном носом».

– У меня аж голова закружилась. – сказал Асдук. – Ты мужчина, поэтому я остался внимателен, а слушать подобный рассказ, вникая в нее, чревато последствиями. Не делай так больше!

– Ха-ха, извини. Я это к тому, что Грейс не такая. Беречь ее надо, как зеницу ока.

– Одна на миллион. – гордо прошептал я. – Язык не поворачивается сказать ей чего-нибудь горького в момент ссоры, когда она светит милой мордашкой.

– Она единственный светлый проблеск в нашей серой жизни. Мы к ней обязательно вернемся!

– Надеюсь.

– Не надейся, а верь. У нас огромные шансы остаться в живых и искать способ выбраться отсюда. Скоро эти идиоты поубивают друг друга, и в живых останется только один.

– Что дальше, Финн?

– Я уже сказал.

– Будем искать выход? Как? Где? Мне почему-то кажется, что «теория последнего» вовсе не теория, а факт.

– Веро, не забывайся. Это небылица. Они напрасно уничтожили остальных Джанов, а сейчас напрасно умирают сами.

– Ну предложи альтернативу. Найди объяснение.

– Сон, галлюцинация, лимб, да что угодно, кроме этого

брёда!

– Друзья, мы ни черта не знаем. Возможно все, – сказал Асук, – поэтому оставим выводы под конец.

– Возможно все, ты прав.

– Особенно сейчас, – добавил я.

– Нам остается ждать конца турнира, после него будет задача новых карт.

Глава XII

Полемика

За два часа численность меченых сократилась вдвое, но листок с номером Зена так и не вышел. Судить было рано, однако до наших ушей уже доходили недовольные высказывания участников турнира. К великому удивлению, спустя некоторое время он все же вытащил свой номер и уступил звание судьи другому. Против него попал сто семнадцатый, который в недавнем прошлом наведалься к нам домой, и от которого мы благополучно отделались. Его компаньон погиб в первом бою. Он же провел два победных боя и находился явно не в восторге, что его номер вытащили целых три раза.

Сражение началось, как обычно. Пару минут они кружились, будто в танце, без особо опасных выпадов. Оба боялись получить от соперника в подарок новую дыру в теле. Схватка продлилась дольше привычного, но запомнилась она не временем, а немислимой концовкой. Зен, являющийся воплощением хитрости, не сумел перехитрить смерть. Я был готов к тому, что он перестреляет всех, взорвет, отравит. Но что падет так бесславно, исчезнет словно его и не существовало... Изуродованное тело Джана с единицей на лбу бросили к остальным мертвецам и человек, держащий в страхе целую гвардию, теперь превратился в обычный мешок с мясом.

– Невозможно! – удивился Аскук. – Точно мертв? У меня трещина маленькая, тут ни черта не видно.

– Зуб даю! – подтвердил я. – Сто семнадцатый зарезал его, как свинью. Теперь он часть пирамиды из трупов.

– Поделом ему! Сейчас эти идиоты истребят друг друга, а последнего мы порешаем.

– Не порешаем, а возьмем в плен, – вмешался Финн.

– И как долго мы будем держать твоего дружка? Еще одного рта нам не хватало. Еды осталось максимум на два дня.

– Будем действовать по ситуации.

– Не хочешь марать руки? Не надо. Я сделаю все сам.

– Убьешь ничего не подозревающего человека?

– Нет. Убью человека, который незадолго до того, как остаться последним, зарезал дюжину себе подобных.

– И чем ты будешь отличаться от него?

– Тем, что буду жив.

– Подумай дважды.

– Уже.

Печально признавать, но я поддержал Аскука. Это был именно тот случай, когда его радикализм мог сыграть нам на руку. Хотя в какой-то мере его идея являлась рациональной.

Спустя еще два часа на поле стояли, вернее, пытались устоять на ногах, два последних бойца. Каждый из них провел, по меньшей мере, восемь боев, получив в ходе серьезные ранения. Сражение велось вяло, не зрелищно, с долгими паузами. Под конец оба бойца упали и кровь пошла рекой.

Они лежали близко, поэтому определить чью пустили кровь не представлялось возможным. Наконец один из них медленно начал вставать, но почти вытянувшись во весь рост, снова рухнул наземь, в сопровождении двух выстрелов. Пули пронзили его тело, выйдя насквозь, и мимолетная победа обернулась поражением.

– Аскук! – воскликнул Финн.

– Но это не я...

Финн поднял голову. Пистолет Аскука находился в кобуре, как и у меня. В ту же секунду до нас дошло, что под трибунами мы не одни. Особенности строения трибун создали ощущение, будто стрелок сидит под носом, однако, по-моему, он прятался примерно в двадцати метрах. Нам повезло остаться незамеченными на протяжении более четырех часов. Но кто смог обхитрить и меченых, и нас, оставшись в тени? Наверняка, он не из них, раз его номер не вытянули. И точно не обычный выживший, ведь до прихода меченых, Финн проверил подтрибунное помещение вдоль и поперек.

– Тогда кто? – спросил Аскук еще более тихим голосом, услышав мой вердикт.

– Без понятия! – ответил я.

– Нет-нет-нет! – сказал Финн странным тоном, наблюдая через щели. – Глазам не верю, вы только взгляните. Быть такого не может!

Мы подбежали к трещинам, жадно пытаюсь поймать в поле зрения человека, который, покинув подтрибунное поме-

щение, направился к подстреленному им Джану. Была ли на лбу у него цифра? Да. Не просто цифра, а символ лидерства. Символ победы!

– Мы же видели, как его грохнули! – сказал сердито Ас-кук.

– Я и сейчас вижу труп Зена, – сказал Финн.

– Два Джана с одинаковыми номерами? Есть ли этому объяснение?

Пока мы пытались разобраться в происходящем, вполне живой Джан с единицей на лбу, он же Зен, уже дошел до последнего полуживого участника турнира. Но добив его, не успокоился, а напротив, удивился и принялся по очереди проверять пульс каждого Джана, включая того, у которого тоже единица на лбу. Его смутил тот, факт, что он до сих пор не проснулся. Проверив всех, он встал столбом и, будто, ушел с головой в думы.

– У меня есть возможность застрелить Зена прямо сейчас, пока ему не стало ясно, что есть и другие выжившие, – вдруг заявил Аскук, держа Зена на мушке. – Я не верю в теорию последнего, но зато Зен верит. Он за пятнадцать минут проверил две сотни трупов, думая, что кто-то остался жив. Скоро он начнет обыскивать всю территорию. Нужно убрать его по-тихому, без дальнейших осложнений.

– Должен быть другой путь, – сказал Финн.

– Пора действовать. У тебя десять секунд, Финн. Не придумаешь, как обезвредить, я его прикончу. Десять, девять...

– Десяти секунд мало!

– Восемь, семь...

– Стреляй в ногу.

– Он далеко, могу только в тело. Шесть, пять...

– Валяй, придурок, пусть это будет на твоей совести!

– Четыре, три, два, один...

Раздался выстрел, затем и вопли. Вероятно, Аскук ранил его.

– Куда попал? – спросил я.

– В плечо, мать его! – с досадой ответил стрелок. – Что я несу, у нас же одна мать!

– Забудь, думай о Зене. Он опасен, его нельзя оставлять в живых. Хотя до сегодняшнего дня я не желал ни чьей смерти.

Зен прятался между рядами скамеек. Выйдя из-под трибун, мы всячески пытались зажать меченого, несмотря на его попытки отстреляться. Финн участвовал в перестрелке без рвения, и лишь выполнял роль прикрывающего при передвижении. Перестрелка длилась всего пять минут. Не успели глазом моргнуть, как жалкие сорок патронов закончились, словно их не было. Меж тем противник тоже не блистал активностью и, казалось, судьба обошлась с ним так же сурово, как и с нами.

– Признайся, Зен, ты пуст, – крикнул Аскук.

– Ровно, как и вы, мелкие крысы. – ответил меченый. – Как же я вас не заметил? Зря тогда лично не явился за вами в ту засранную квартирку. Эй, ты, в клетчатой рубашке! Не

замучила совесть, когда со спины убил того бедного, ничего не подозревающего паренька в магазине? Вы же все из себя такие порядочные.

– Он первый напал.

– Ну и змея! Я своими глазами видел, как ты подкрался к нему и хладнокровно зарезал.

– Не пытайся внести разлад в наши ряды. Мои друзья знают, что тебе нельзя доверять.

– Друзья? Не смей меня.

– Выходи, скользкий гад. Тебе не уйти!

– Уйду, уйду, еще как уйду. Я буду единственным, кто сможет уйти. Запиши где-нибудь, чтобы не забыть.

– Я вырежу это на твоём лбу!

– Много болтаешь. От тебя пока слышны лишь пустые угрозы. Бери пример с тех двух. Я этих молчунов сразу узнал. Судьба нас сводит не первый раз.

– Судьбы не существует, – выразился Финн, – все происходящее – плод наших выборов. Она не реальна, подобно твоей идиотской теории. Тебе нечем подкрепить ее, нечем доказать.

– Карл Саган сказал: «Отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия».

– А Кристофер Хитченс сказал: «То, что можно утверждать без доказательств, можно и отвергнуть без доказательств». Одумайся, Зен, еще не поздно.

– Плевать на твоего Кристофера. Я не отступлюсь!

– Тогда готовься к смерти, – сказал Асук.

– Находясь здесь я вспомнил речь одного человека о смерти. Знаешь, что он говорил? При смерти, люди уходят под землю не одни. С ними хоронят их идеи, так и оставшиеся просто идеями. На кладбище есть столько проектов, о которых ты не узнаешь, столько песен, которые никогда не услышишь, книг, которые не прочтешь. Кладбище – место богатое. Так вот, знайте, я сделаю все, чтобы о моих проектах узнали, чтобы мои песни стали хитами, а книги бестселлерами. Мы уже мертвы. Вопрос в том, кому хватит смелости воскреснуть?

Глава XIII

Алый водопад

Зен держался достойно, не подавая виду, и если бы не кровь, то можно было подумать, что он вовсе не ранен. Меченый даже не пытался сбежать. Хотя бежать в принципе некуда, ведь свойства границ остались те же. Он спустился на поле, одолжил два ножа у покойных собратьев и жестом предложил нам поступить так же.

– Я нанесу ему вред, если только ваши жизни окажутся под угрозой. – сказал Финн.

– Пырнешь в пальчик и убежишь? – ехидно спросил Ас-кук.

– Я не хочу поспособствовать его смерти.

– Финн, раньше по этому поводу мы не спорили с тобой, так как тогда можно было убежать, спрятаться. Но сегодня мы в клетке, поэтому нам нужна твоя помощь.

– Я не убью человека!

– Он не человек, он – зверь, жестокий убийца!

– После убийства убийцы, количество убийц не изменится.

Тут Аскук вышел из себя и, схватив Финна обеими руками за одежду, принялся орать:

– Вздумал играть в святого? Думаешь, в сказку попал?

Проснись, принцесса, разуй глаза, посмотри где ты. Здесь ничего не имеет смысла!

– Убери клешни! – сказал он, отбросив Аскука, а затем с размаха швырнул ему в ноги кусок кирпича. – Чувствуешь боль? Чувствуешь себя живым? Вот и они тоже! Тогда с чего ты решил, что отнятая тобой жизнь, не настоящая?

– С ума сошел? Бросается тут камнями, как ребенок.

– Идите, мочите друг друга. Мне больше нечего добавить.

– Я тебя понял. – сказал с разочарованием Асук. – Идем, Веро, в сегодняшней битве мы одни. Мы всегда были одни, просто Финн признался в этом только сейчас.

Уходя я тайком подмигнул Финну, дав знать, что не в обиде. В ответ мне блеснула его еле заметная улыбка.

– Видать, друг кинул вас. Никому нельзя доверять, не правда ли, Асук? – подколот Зен, когда мы уже стояли перед ним с ножами в руках. – Извините, невольно подслушал ваш разговор.

– Слишком смело себя ведешь для полумертвого, – сказал я.

– Ты умеешь разговаривать? Сколько же вас: дебильных версий меня? Что ты, что тот двойник – натуральные идиоты.

– Потому смог уговорить пожертвовать собой?

– Отчасти, такова была его воля.

– Его воля?

– Представь себе. Когда он только пришел и еще не успел

пройти обряд посвящения, лоб сиял чистотой, как тетрадь для домашних работ у двоечника. Однажды я застал его в кладовой с пистолетом у виска. За этим он и пришел, наверное, в наш лагерь, чтобы умереть быстро, без мук. Огнестрела-то у него не имелось до прихода. Но у паренька духа не хватило даже с пистолетом. Увидев меня, сразу же бросился в ноги умолять о смерти. «Да хоть ножом! Я согласен на нож, только помоги!» – говорил он. Твердил, что помнит многое из настоящего мира и не хочет туда возвращаться.

– Ты сказал, что в турнире с ним сделают то, чего он сам не в силах, а бедолага согласился.

– А ты слегка соображаешь!

– Но почему он выступил от твоего имени, а не от своего?

– До всех дошла молва о моей жестокости. Люди знали кто я, какие гадости творил. Он твердил, что за мои подлые деяния я должен остаться последним и проснуться. Правда я обещал ему мучительную смерть, вместо быстрой, если он не согласится помочь. Но мне кажется, парень хотел наказать меня. И с того дня он прятался, пока не начался турнир.

– Позволь расстроить тебя, – сказал Асук. – Вопреки ожиданиям этого дурачка, ты не проснешься, а заснешь навеки.

Игра началась, и каждая ошибка могла стоить нам жизни. Зен двигался шустро, однако сделав пару замахов раненой рукой, он не выдержал боли. Секунду спустя меченый сражался лишь левой. Казалось, одна рука не способна что-либо

противопоставить четверем, тем не менее Аскук умудрился попасться под нож. Зен метил ему прямо в шею, но удар пришелся по челюсти. Благо острое находилось под тупым углом, и Аскук отделался глубоким порезом, вместо громоздкой дыры.

Усталость Зена бросалась в глаза, придавая заметности нашему превосходству. Каждое его движение сопровождалось тяжелым стоном. Из-за чрезмерной активности, кровь покидала тело меченого быстрее обычного, и лицо, которое в недавнем прошлом пылало жизненной энергией, сейчас сверлило мертвым взглядом на две тысячи ярдов, делая бледное лицо еще более страшным. Собрав всю оставшуюся силу, ходячий мертвец замахнулся, на сей раз в мою сторону. В этом выпаде он вложил столько надежды, столько уверенности. У него были все основания полагать, что удар настигнет адресата, но он не учел, что Финн с ловкостью пантеры очутится рядом и с мощью буйвола отбросит меня в сторону. Холодный нож, предназначенный для меня, пронзил Финна, оставив дыру под правым ребром.

– Я же говорил тебе: при следующей нашей встрече, ты горько пожалеешь, что отпустил меня! – сказал Зен Финну.

Воспользовавшись обстоятельствами, я без колебаний прошелся лезвием по горлу Зена. Кровь покрыла все и вся. Она хлестала из горла Зена, сочилась из живота Финна, и, что самое страшное, текла по моим рукам. В моменте все стало двоиться в глазах, и я уже был не так уверен в правиль-

ности происходящего, как мгновение назад. Неужели не нашлось бы другого пути? Почему все всегда должно решаться через насилие? На что нам рот, если оттуда выходят плевки, вместо слов? На что нам руки, если они бьют, а не обнимают? В конце концов, на что нам мозг, если мы его не используем?

Когда разум вновь вернулся под мой контроль, я заметил, что сижу на земле, облокотившись на чей-то труп. По одежке стало ясно: это Зен. Тогда я вспомнил про Финна и, взглянув в его сторону увидел, как над ним стоит Асук, бросая нож то в одну руку, то в другую.

– Чего же ты стоишь? – сказал Финн харкая кровью. – Помоги мне, Асук.

Асук молчал. На его лице замерла гримаса, полная противоречий. Мне показалось, что на уме у него вертелось неладное, но он никак не решался сделать этого.

– Надо ему помочь! – вскрикнул я, придя в себя.

Заметив движение в свою сторону, он сделал сквозь слезы то, о чем, вероятно, так долго думал. Дрожащей рукой он вонзил нож в шею Финна, а после быстрыми шагами пошел на меня.

Глава XIV

Завершение геноцида

– Что ты творишь? За что? – орал я во весь голос.

Ответа не послышалось. Он шел на меня все тем же быстрым маршем, а оказавшись на расстоянии вытянутой руки, попытался пырнуть меня в бок. Я увернулся, прописал ему правый хук, и пока он лежал в нокауте, забрал у него нож.

– Я и забыл, какой у нас мощный хук, – сказал он, приподнявшись на локоть.

– Лежи смирно, иначе убью тебя, даже не потребовав объяснений! – пригрозил я.

– Тебе нужны объяснения? Тут и глупцу ясна причина моего поступка.

– Но ты твердил, что не веришь в теорию последнего.

– Я не был с вами честен. Зен смело двигался вперед наивно думая, что лишь силой и властью сумеет одержать верх. Однако выживает не сильнейший, Веро, а наиболее приспособленный. В отличии от вас, мне хватило смелости взять судьбу в свои руки и сделать тяжелый выбор во благо себе. Да, я лгал вам. Говорил, якобы не верю. Но пора бы тебе запомнить, что первой жертвой любой войны становится именно правда. Я лишь воспользовался этим. Мне искренне жаль, но иного выхода не было. Победа в этой игре будет за

мною.

– В таких играх можно выиграть, только не играя в них.

– Нет. Просто надо быть тем, кто раздает карты.

– Значит, Зен говорил правду? Ты намеренно зарезал того парня?

– Не упустил шанс сократить число противников.

– Как с Финном? Он же был твоим другом, гад! Как ты мог?

– Именно в этом вся соль. Одному мне удалось поставить цель выше эмоций. Я знал, что Зен сумеет убить всех. Осталось лишь отправить его на тот свет, а вслед за ним и вас. Прости, Веро. Жизнь бывает жестока.

– Что дальше, Асдук?

– Ты мне скажи. У тебя нож.

– На мне уже два убийства. Не хочу отягощать совесть, убив еще одного человека. Хоть тебя и трудно называть человеком, мразь!

– Ах, совесть! Вот, что вас с Финном заботило. Совесть, а не чужие жизни.

– Брось, не цепляйся за слова.

– Хорошо-хорошо. Напоследок скажу, что я буду вас помнить. Хоть вы и нашли здесь смерть, память о вас не умрет.

– Не подстрелив сокола, рано перья щипать. Нож у меня, как ты сказал. И я пока еще жив.

– Пока еще!

В мгновение ока он набрал в ладонь горсть земли впер-

мешку с газоном и бросил мне прямо в лицо. Пока я проти-
рал глаза, он накинулся с кулаками, а повалив, вцепился в
руку с ножом, пытаясь обезоружить меня. Поняв, что ниче-
го не выходит, Аскук резко отпрыгнул назад и, подбежав к
мертвым меченым, подобрал другой нож.

– Не вынуждай меня, Аскук. Я не хочу тебя убивать!

– Зови меня Джан! Фамилия не наша, но она дороже, чем
ты думаешь.

– Какой бред ты несешь? Истинный Джан так бы не по-
ступил.

– Он бы не поборолся за право существовать?

– Он бы не предал друга. Должен быть иной способ вы-
браться отсюда.

– Если так посмотреть, то я не предал Финна, а спас.
Узнав, что его ждет после пробуждения, он бы совершил са-
моубийство. Да! Не удивляйся. Я помню все, как двойник
Зена. Жизнь, которая ждет победителя, не для слабаков. У
меня крепкий характер, во мне бурлит жизнь, и я готов вер-
нуться назад, вне зависимости от поджидающих невзгод. А
вот ты слаб, Веро, слаб не физически, а духом, и сейчас я
это докажу!

В очередной раз он набросился на меня, словно зверь.
Ослепленный желанием выжить, Аскук сражался чересчур
смело. В нем наблюдалось отсутствие страха, что, в свою оче-
редь, устрашало меня, и заставляло осторожничать в бою.
Бесстрашие – особенность его характера.

Страх, который оберегает нас от опасностей, является одним из фундаментальных чувств. Чем меньше страха, тем больше уверенности. Вместе с уверенностью возрастает и шанс нарваться на неприятности. Как раз в ту пору я осознал, в чем его слабость, и в чем моя сила.

– Бьешься хуже девчонки! – язвительно подметил я, увернувшись от удара.

– Не зли меня, Веро. Для тебя это плохо кончится.

– Однорукий Зен тебя бы за две минуты уделал, не будь меня рядом.

– Да кем ты себя возомнил? – тон голоса дал понять степень его раздраженности.

– Только и умеешь, что убивать беспомощных. Парня в магазине зарезал сзади, тут лежащего Финна добил. А когда противник лицом к тебе, ты сам становишься беспомощен.

– Замолчи, ублюдок! – злобно закричал он.

– Ты трус, Аскук. Жалкий трус, который сумеет убить меня, лишь в случаи, если подберется сзади!

– Я не тру-у-ус! – орал он во весь голос – Я не тру-у-ус! – в гнев Аскук принялся безостановочно махать ножом, пытаясь хоть единожды задеть меня.

Этого я и добивался. Он вышел из себя, действуя более безрассудно. Снова кинувшись вперед, он потерял равновесие и слишком сильно завалился при неудачном замахе. В тот момент вся правая часть его корпуса осталась беззащитна, вследствие чего приняла на себя мощнейший удар но-

жом. Аскук будто не почувствовал и прыгнул всем телом на меня, свалив на газон. Своей тяжестью он давил на нож, желая пронзить им мое сердце. Я крепко держал его руки, но с каждой секундой нож приближался к груди все быстрее. И когда удерживать стало невозможно, я отклонил острие в сторону и резко отпустил. Нож Аскука воткнулся в землю, а он обессиленный упал рядом со мной. Встав на ноги, я отступил на пару шагов и ничуть не спешил подходить к нему, несмотря на то, что от кровопотери он медленно отходил в мир иной.

– Да уж... а мне казалось, будто море по колено. – прошептал он хриплым голосом, одновременно вытирая кровь с лица. – Как там тот поэт писал?

Но дружбы нет и той меж нами.

Все предрассудки истребя,

Мы почитаем всех нулями,

А единицами – себя.

– Тебя ослепила ярость и уверенность.

– Меня ослепила надежда. Надежда, что я смогу вернуться и продолжить жизнь, вопреки всей горечи, которую она принесла. Мой тебе совет: вернувшись в мир, не надейся. За надеждой всегда последует разочарование.

– Ты правда все помнишь?

– К сожалению или к счастью, да.

– И что же?

– Добей меня и узнаешь сам.

– Не стану.

– Давай! Бог любит троицу. Разве я не заслужил?

– У него и спросишь!

– Тогда сделай одолжение – подай мой нож.

Аскук не был в силах двигаться, поэтому я смело бросил ему свой. Он еле заметно кивнул головой и застыл, остановив взгляд на ноже.

– Ты ведь меня намеренно вывел из себя? Признаюсь, я повелся, как последний идиот. А ведь я был близок... так близок. Легче проиграть в самом начале, чем, когда находился в одном шаге от победы. Серебро не медаль. Либо Золото, либо ничего. Такой уж я. Запомни меня таким, Веро. Запомни и прости!

Не успел я ответить, как он пробил себе в сердце дыру. Мне чужда подобная смелость. Только поистине сильный духом человек способен собственноручно лишить себя жизни. Ненависть к Аскук уступила место уважению, но поступок его не забылся.

В одну секунду печаль и скорбь, которые копились во мне с момента смерти Финна, вернее, с самого первого дня, вылились наружу. Стоя на коленях, в окружении сотни трупов, я рыдал, не понимая, куда мне теперь идти и что делать. Чувство одиночества, накрывавшее меня не раз, вернулось с еще большей силой, ведь сейчас я поистине одинок.

Я надеялся, что Зен был прав, и скоро этот кошмар закончится. Однако уже пол часа, как я сидел в тупом оце-

пенении, а вокруг не происходило ничего. В голову лезли шальные мысли. Чем усерднее я пытался их отгонять, тем навязчивее они становились. Под конец одна из них взяла надо мной верх, заставив тянуться к ножу. На сопротивление не осталось сил, да и не сказать, что я был категорически против, учитывая лживость теории последнего. Но хватит ли мне смелости? Вот в чем вопрос.

В конце концов мне удалось решиться. Руки держались наготове и ожидали лишь команды. Закрыв глаза, я вдохнул последний раз, приготовившись повторить подвиг Аскука, как вдруг солнце засияло с силой, которой по сей день не сияло ни разу. Свет усиливался с каждой секундой, и даже с закрытыми глазами он окрашивал все в белый иней. Неожиданно голова стала кружиться, а сердце биться медленнее. Я ощутил близость смерти. Впервые за год меня посетило спокойствие, и впервые за год мне с облегчением удалось сказать: «Вот она, свобода!»

Глава XV

Исход

И какого же было мое разочарование, когда глаза открылись вновь. Я только успел настроиться на то, что это конец пути, логичное завершение нелогичной истории, железный эпилог. А жизнь снова не пожелала меня отпустить.

Но присмотревшись, я осознал, что нахожусь не на стадионе. Меня, лежащего на больничной койке, окружали белые стены. Неужели Зен был прав? Неужели я вернулся? Неожиданно желание жить, опять посетило меня. Очнись я на стадионе, то, несомненно, доделал бы начатое.

Вероятно, эпизод в полицейском участке был иллюзией. Я находился в какой-то больнице, к большому удивлению со связанными руками. Их натянули ремнями, от которых никак не получалось избавиться. Не потому, что натянули сильно, а потому, что я не мог двигаться. Чувства не пропали, нет. Просто мышцы, казалось, никак не реагировали на команды. Мои способности заканчивались на моргании, дыхании и шевелении губами.

В коридоре послышались шаги, дверь открылась и в палату вошла молодая медсестра. В руках она держала приборы для бритья. Посмотрев в мою сторону, она от страха выронила их наземь.

– Невозможно! – выкрикнула девушка и выбежала обратно в коридор. – Он очнулся, вызовите Хадсона, он очнулся!

Через две минуты в палату вошел какой-то врач, по-видимому, тот самый Хадсон.

– Так это не шутка! – вымолвил он, увидев мои широко открытые глаза.

– Где я? Что со мной случилось? – спросил я, невнятно. Мне было тяжело говорить.

– Постарайтесь не волноваться и расслабьтесь, прошу вас!

– Да я так расслаблен, что не могу двигаться, черт побери!

Что со мной? Я почти ничего не помню.

– Вы лежали в коме одиннадцать лет, сержант Андерсон.

– Вы сейчас понизили меня в звании, сменили фамилию с Джана на Андерсон и сказали одиннадцать вместо одного.

– Первое время вы будете все отрицать, но рано или поздно придется принять реальность.

– Жаль вас расстраивать, – подхватила медсестра, – но Джан – фамилия вашей покойной жены.

– Молчи, дура, рано еще! – разозлился доктор.

Я умолк. Меня уже не заботили ни фамилия, ни звание, ни страшная цифра одиннадцать. Я услышал слово «покойная», и в тот же миг по телу пробежала дрожь, а слезы нахлынули рекой, затмив зрение. Я даже не был в состоянии вытереть собственные слезы. Я стал овощем, но и это меня не заботило. На уме вертелась лишь моя Грейс!

– Это розыгрыш? Скажите, что вы меня разыгрываете.

Это ведь не правда!

– Увы, нам незачем врать.

– Верните меня назад! – кричал я. – Верните назад. Нет, нет, постойте. Лучше убейте. Задушите подушкой, напицайте таблетками, да хоть топором голову отрубите. Я не хочу жить!

Вот почему двойник Зена не хотел сюда возвращаться. Надо было прислушаться к Аскуку, уступить ему место. Хотя откуда я знал, что теория последнего верна.

Первые два дня я рыдал без остановки и почти не спал. Медсестра боялась брить меня, так как я уже свободно вертел головой. Вернулись и пальцы, но руки по-прежнему не хотели слушаться. Я жалел лишь о том, что не мог воткнуть кинжал себе в горло.

На третий день, когда я более-менее успокоился, вечером ко мне вошел врач и, сев рядом, заговорил:

– Здравствуйте, сержант Андерсон. Как самочувствие?

– На седьмом небе от счастья!

– Понимаю ваше разочарование. Мир уже не такой, каким вы его помните. Но это не повод сдаваться.

– Не отнимайте свободу, доктор. Усыпите меня. Вам же лучше станет. Посмотрите на мое лицо. Я заснул тридцатипятилетним здоровым мужиком. А проснулся кем? Стариком под пятьдесят с соплями и в подгузнике. Жизнь кактуса не слишком привлекательна, согласитесь.

– Не хочу обвинять, но вы сами виноваты в случившемся.

– Я это сделал с собой?

– Да. Спустя месяц после смерти жены и ребенка, вы выпрыгнули из окна четвертого этажа. Многие говорили, что за этот месяц вы успели сойти с ума и обрести много личностей. Сосед собирался звонить в дурку, но случилось то, что случилось. Сейчас я бы не назвал вас сумасшедшим. Возможно, отрезвить разум помогла кома и последующие провалы в памяти.

– О боже... У меня был ребенок?

– Трехлетний. Вы его не помните?

– У меня был ребенок, у меня был ребенок, – повторял я. – У меня был ребенок.

– Так бывает. Память может вернуться, но, откровенно говоря, на это мало шансов. Мы будем работать еще долго. Учиться заново ходить, писать и даже говорить, поскольку у вас наблюдается легкая дислалия. В общем, попробуем восстановить все поддающееся восстановлению.

– Я не могу даже горевать по нему, потому как не помню его. Не помню даже своих родных, не помню никого, кроме Грейс.

– Родных у вас особо нет. Друзья приходили первые пять лет, затем перестали. Их можно понять. После одного года в коме, мало кто просыпается. А вы дремали целых одиннадцать.

– Родители есть?

– Мать скончалась еще при вас, а отец буквально неделю

назад, предварительно успев оплатить два дополнительных года обслуживания в коме и полную процедуру лечения, при случае, если вы проснетесь. Он в вас верил, сержант.

– И снова я один.

– Может попытаетесь вспомнить хоть кого-то? Друг, знакомый, далекий родственник. Разговор с одним из них может здорово помочь нам при восстановлении памяти.

Не всерьез я задумался над Финном и случайно вспомнил Галлахера.

– Стажер из моего участка, Галлахер. Стив Галлахер. Пока помню только Грейс и его.

– Отлично! Я немедленно распоряжусь, чтобы Стива пригласили к нам. Надеюсь, он будет не против.

– Зачем все это, док? Вы же знаете: мне не терпится умереть.

– Друг мой, позвольте объяснить. Жизнь – штука непростая. Согласен. Но дайте мне пару недель, и я докажу, что для радости в ней тоже есть место. Ища в жизни несчастье, только его и найдете.

– Вам не удастся меня переубедить, Хадсон.

– К счастью, вам некуда бежать.

С того вечера Хадсон приходил каждый день, проводя все нужные процедуры по восстановлению моих физических показаний, попутно завлекая в разговор, наверняка, для осуществления обещанного. Он работал над памятью тоже, тем не менее осязуемых результатов не наблюдалось.

Несмотря на мое рвение к смерти, я не собирался бунтовать и беспрекословно выполнял, данные мне поручения.

– Вы, кажется, уже не против. – заметил Хадсон.

– Смерть все еще зовет, и пока я не вижу причин отказывать ему.

– Но пытаетесь их найти, верно?

– Сам не знаю. Просто делаю, что вы велите.

– Делайте, делайте, сержант Андерсон, чтобы солнце вновь воссияло над вами.

– Я смогу ходить, док?

– Зависит от рвения. Подняться, после такого удара, поможет только воля. Настоящая сила воли проявляется не в дни побед, а в дни поражений. Хватит ли вам смелости начать все заново?

– Не уверен, стоит ли, раз я потерял смысл жизни?

– Правда в том, что в жизни нет смысла. Мы сами должны отыскать для нас смысл. Не обязательно забывать жену. Найдите другую причины жить, только и всего. Любимое дело, человек, цель, все что угодно. Научитесь подстраиваться. Жизнь нельзя повернуть вспять или остановить. Она идет только вперед и единственное, что нам остается – двигаться с нею вровень.

– Из вас вышел бы отличный оратор.

– В каждом присутствует доля мудрости, но не каждый ею пользуется.

Хадсон вселил в мою душу надежду, корни которой про-

бились неимоверно глубоко. День за днем я боролся с самим собой, боролся с телом, заставляя его вернуться к жизни, боролся с памятью, вынуждая ее раскрыть спрятанные тайны. Благодаря Хадсону, стало легче это переносить. Он заново познакомил меня с миром. Мы вместе смотрели фильмы, слушали музыку, а когда руки начали слушаться, даже пытались рисовать.

Меня посетил Галлахер. У него не получилось помочь с памятью, зато мы славно поболтали, и я узнал, что он остался тем же жизнерадостным дурачком. Несомненно, он сообщил всем о моем пробуждении, но, кроме него, никто больше не приходил. Неужели я был таким гнусным человеком? Или, быть может, дело в них?

Сейчас мне пятьдесят, а Хадсону шестьдесят два. Прошло четыре года с моего пробуждения. Я уже способен ходить, правда не быстро и не без помощи трости. По словам Хадсона, лучшего результата, чем сейчас, не добиться. Но и это хороший расклад, учитывая, что несколько лет назад, мне не удавалось даже переключать телевизионные каналы. Больницу заменил дом, койку – кровать, Хадсон же теперь мне друг, а не врач. И все-таки, наведываясь ко мне, помогал с лечением.

А вот с памятью беда. Она осталась закрыта, как прежде, поэтому я бросил попытки восстановить ее. Все самое важное мне рассказали, а на остальное плевать. С другой стороны, провалы в памяти – огромный плюс. Некоторые многое

бы отдали, чтобы стереть все воспоминания и начать жизнь заново, постигая красоты мира, как в первый раз.

В целом, реальный мир мне понравился. Однако я искренне верю, что все события в коме были не просто сном. Само собой, Финна и Аскука будет не хватать здесь, несмотря на предательство последнего. А первого, к несчастью, я не успел поблагодарить за спасение. После пробуждения, казалось, все их хорошие качества передались мне. По сей день чувствуется внутри присутствие других версий меня. Им, Хадсону и Галлахеру, который не перестает меня посещать, я безумно благодарен. Финн научил меня быть рассудительным, Асдук – смелым, Хадсон – терпеливым, а Галлахер – веселым. Из сопливого, неуверенного и слабого мальчика, я превратился в мудрого, решительного и стойкого мужчину. Конечно, для этого пришлось пожертвовать званием, фамилией и многим другим, но, говоря по секрету, внутри я зовусь все так же... лейтенант Джан.